

С юмором и оптимизмом по жизни

Юмор является неотъемлемым качеством человеческой личности, свидетельствует об интеллекте. Правильно говорят, что человек без юмора — это манекен.

Полагаю, что если бы я не был наделен чувством юмора, то не сумел бы преодолеть множество сложных, тяжелых испытаний, которые выпадали на мою долю.

Вспоминаю, когда я учился в Высшей школе тренеров, шло состязание со спортивным факультетом института физической культуры и спорта, и мы тогда выигрывали со значительным отрывом от конкурентов. Правда, оставались состязания по боксу, прыжкам в воду и лыжам. Естественно, мы могли проиграть, потому что Николай Березкин, боксер тяжелого веса, давно забыл, как выходить на ринг. Саша Гомельский недостаточно уверенно ходил на лыжах, впрочем, как и Коля Уханов, а прыжки в воду с пятиметровой вышки отказывался выполнить я.

Мы с Димой Григорьевым, у которого вес был под 200 килограммов, все же поехали в Кавголово, но с опозданием. Лыж нормальных не досталось, остались только горные. Но не уезжать же обратно в город! Взяли горные лыжи и ушли на трассу. Однако вскоре, когда нас все почти обогнали (мы шли не лучше инвалидов), Николай Уханов предложил (а он в войну разведчиком служил и был старше меня и Саши Гомельского) пересечь трассу поперек. Сказано — сделано. В результате мы заняли призовые места в первой пятерке.

Руководство института было в недоумении и тщательно допрашивало контроллеров с поворота, но те клялись, что все участники (в том числе и мы с Григорьевым) прошли поворот.

Потом долгое время нас упрасивали признаться, как на тяжелых горных лыжах можно достичь подобного результата. Так и не получив внятного ответа, нам грозили снятием со стипендии и отчислением. Со временем эта коллизия забылась.

Оставалось сдать прыжки в воду. Саша Гомельский прыгнул скрепя сердце. Я забрался на вышку и выполнил классический прыжок методом сбрасывания мешка в воду, а вот с Димой Григорьевым все произошло сложнее.

Дима говорил, что у него нет смелости, и соглашался прыгнуть лишь в том случае, если его преподаватель Денис Иванович, заведующий кафедрой плавания, в прошлом известный спортсмен и тренер, столкнет его с вышки, на что пожилой человек согласился.

Следует отметить, что Денис Иванович всегда был опрятен, хорошо одет, в карманах белых спортивных рубашек хранились авторучки, секундомеры, никто в его присутствии не осмеливался грубо выразиться.

В общем, пошли на вышку. Впереди шел Слон, как называли Диму, и ступеньки прогибались под его тяжестью, а сзади — худенький, в чем душа держится, Денис Иванович.

И вот они на высоте 5 метров, да еще Слон раскачался метра на полтора, кричит: «Толкайте!» Денис Иванович толкнул его пальцем, а Слон схватил помощника за руку, и они вместе полетели в воду. Матерная брань из уст Дениса Ивановича изливалась страшная. Он заявил, что если Слона не отчислят, то он уволится сам (хотя отработал на одном месте более сорока лет). Конечно, жалко было пожилого педагога, который горько плакал. Костюм, белая рубашка, лицо, обувь — все было в чернильных пятнах. Импортный секундомер, наверное, оторвал Слон, когда схватился него, и похоронил на дне бассейна.

Слон плакал, как ребенок, понимая реальность прощания с учебой, а мы не могли после этого спектакля прийти в нормальное состояние. Лично я так никогда не смеялся.

Последним в этих соревнованиях предстояло выйти на ринг Коле Березину — тяжеловесу, который всю жизнь, являясь мастером спорта и чемпионом Ленинграда, молился, чтобы его противником не оказался чемпион СССР Николай Королев. (От боя отказываться было нельзя, все равно заставят драться. А вот что получится, если Королев отправит Березина в нокаут, да еще тяжелый, даже предположить было страшно. По природе Коля был добродушным трусом.)

Короче, когда он вышел на ринг, то уже имел весьма побитый и робкий вид. Раздался гонг, начался бой. Сергей, студент института, нанес удар в челюсть нашему Николаю, после чего он упал, а судья закончил счет на цифре 10. Николай продолжал лежать, закатив глаза, и периодически дрыгая ногой. В общем, пришли врачи с носилками, и Колю унесли в медсанчасть.

Через несколько недель Николай вышел из больницы. Он клялся, что больше никогда не выйдет на ринг. Вот с такими приключениями Высшая школа тренеров выиграла у института.

Первое уголовное дело, по которому я выступал в Красноярске в качестве государственного обвинителя, было дело по факту изнасилования. Суть его такова. 70-летний мужчина после освобождения из лагеря, где отбывал срок за изнасилование, пришел ночью в дом своего сокамерника. Как водится в таких случаях, гостя радушно приняли и накрыли стол. За застольем он рассказал, что дал взятку в размере 200 руб., чтобы их родственника досрочно освободили, и он должен вскоре вернуться из мест заключения.

Обрадованные хозяева тут же отдали ему деньги. После очередного принятия спиртного, гость стал приставать к молодой хозяйке дома. Услышав крики, отец хозяйки, не долго думая «успокоил» насильника топором. Вскоре вызвали милицию, всех допросили, и дело дошло до суда.

Суммировав все судимости обвиняемого, я потребовал насильнику 13 лет лишения свободы.

Когда суд удалился на совещание, возмущенный подсудимый стал интересоваться о причинах такого сурового наказания. Я ответил ему, что руководствовался не уголовным кодексом, а простой арифметикой. $70+13$ будет 83 и в такие годы уже не пристают к женщинам и думают только о Боге. Обозленный подсудимый высказался, что все 13 лет будет писать на меня жалобы в Генеральную прокуратуру. На это я ответил ему, что лучше заниматься литературным трудом, чем нападать на женщин и вымогать деньги у простодушных граждан за досрочное освобождение сокамерников.

В 1964 году, находясь в Москве, я встретился со своим старинным другом М. М. Вершининым. Михаил Максимович предложил мне зайти к композитору Анатолию Григорьевичу Новикову, который жил в соседнем подъезде. Я любил музыку Новикова. Анатолий Григорьевич занимал достойное место среди таких великих современных композиторов, как Мурадели, Хачатурян, Туликов, Мокроусов.

Вершинин представил меня в качестве прокурора. Анатолий Григорьевич поведал нам историю, которая его на тот момент сильно тяготила. Оказывается, жена композитора Мокроусова продала все ценные вещи и установила на свои деньги мемориальную доску на доме, в котором композитор прожил долгие годы (в этом же доме жили и мои собеседники). Неделю назад в торжественной обстановке состоялось открытие мемориальной доски. Ансамбль песни и пляски имени Александрова исполнил песню композитора «Камень Севастополя». Присутствовала практически вся творческая интеллигенция. Но некоторые непорядочные и завистливые люди обратились в областной комитет партии к товарищу Гришину с доносом, в котором облили грязью память Бориса Андреевича Мокроусова. К сожалению, Гришин поверил клеветникам и распорядился демонтировать доску. Новиков поинтересовался, что можно сделать в этой ситуации. Я ответил: «Вопрос непростой. Нужно думать. Возможно, придется встретиться с Гришиным». Новиков замахал руками и сказал: «До Гришина, как до неба».

Вскоре я распрощался со своими собеседниками и направился в ресторан «Славянский базар». Входная дверь была закрыта, а на дверях висело объявление: «Закрывается на спецобслуживание». Пользуясь своим высоким статусом, я вызвал директора, показал удостоверение прокурора и спросил: «В чем дело?» Оказывается, Анатолий Григорьевич Тарасов отмечал свой юбилей. Я же лично знал Анатолия Григорьевича, был, как и он, Заслуженным тренером СССР. Я прошел в банкетный зал. Анатолий Григорьевич обнял меня и предложил присесть. Рядом с нами оказался Славик Чижиков, мой сокурсник по институту Лесгафта. Я, как обычно, заказал шампанское, коньяк, дорогую закуску. За столом сидели многие известные мне прославленные спортсмены: Вениамин Батаен, Женя Колесов, Клевцов, а также многие велогонщики, с

которыми я участвовал в 1954 году в гонке на 150 километров (тогда был поставлен рекорд страны, и мне присвоили звание мастера спорта). На юбилее присутствовали не только спортсмены, но и члены правительства. Поздним вечером мне нужно было отправляться в Ленинград. Анатолий Григорьевич попросил Славика проводить меня до вокзала. Однако история с мемориальной доской не выходила у меня из головы, и я попросил водителя подъехать к дому композитора Новикова, что на Котельнической набережной. По пути я посвятил Славика в свою проблему. Он искренне возмутился и сказал, что не только обожает композитора Мокроусова, но и знает все его песни.

Подъехали к мемориальной доске. Несмотря на позднее время, это место охранялось милицией. Я подзвал милиционера и, предъявив удостоверение прокурора, попросил снять защитную материю с доски. Я также пояснил, что действую по поручению руководства города Москвы и не смог подъехать в дневное время в связи с занятостью. Милиционер охотно выполнил мое указание. А я поблагодарил его за успешное несение службы.

Утром, уже находясь в Ленинграде, я связался с Новиковым и сообщил ему, что был на приеме у Гришина, которому подробно изложил ситуацию с мемориальной доской, волнениями и беспокойством московской интеллигенции. Гришин якобы перебил меня, дав указания подчиненным: «Тряпку снять, демонтаж отменить!»

Новиков посмотрел в окно и увидел сияющую на солнце мемориальную доску. Радости его не было предела. Наверное, лишь тогда он уверовал во «всемогущество» советской прокуратуры.

Бабанцев Н. Ф., Аруев Кирилл

Спустя много лет в 2013 году я не удержался и посетил знаменитый дом. Мемориальная доска занимает свое почетное место и напоминает нашим соотечественникам о выдающемся композиторе.

В течение жизни мне нередко встречались злобные, примитивные, ограниченные люди, которые незаслуженно пытались унижать и оскорблять окружающих, особенно тех, кто находился у них в подчинении. Я же на хамство отвечал порцией хорошего, добротного юмора, выставлял мерзавцев на посмешище и

полностью их обезоруживал.

Вспоминаю, как однажды друг нашей семьи, народный артист Советского Союза Борис Тимофеевич Штоколов пригласил меня посетить правительственную баню. Кстати, голос Штоколова мне нравился больше, чем голос Федора Ивановича Шаляпина.

Мы приехали на Васильевский остров. Зашли в баню. Директором оказался мой старинный знакомый, Борис Власов, с которым мы учились в Высшей школе тренеров. Он был мастером спорта по водному поло. Власов попросил, чтобы через два часа мы открыли входную дверь и впустили группу мужчин из Ленинградского обкома партии, а он, к сожалению, должен сейчас уехать в театр.

Мы со Штоколовым славно попарились, отхлестались вениками.

В 20 часов раздался стук в дверь. Я предложил Борису Тимофеевичу не обращать на это внимания. Однако Штоколов забеспокоился и сказал, что не будет ссориться с Ленинградским обкомом, так как хочет получить еще премию Глинки, встал, подошел к двери и впустил шесть человек.

Я же отправился плавать в бассейн, отметив про себя, что двое последних были нагружены, как верблюды.

В тот период с продуктами было очень сложно, а здесь на столе появились бочонки с черной и красной икрой, семга, буженина, помидоры, огурцы. А ведь это был февраль месяц, и советские люди не знали, что такое свежие овощи и фрукты в зимнее время. Значит, выращивали их специально для партийной элиты. Стояли красивые флаконы с водкой, коньяком, шампанским, дорогими винами.

Вошедшие хорошо знали Бориса Тимофеевича и поэтому сразу пригласили его к столу. Меня к столу пригласил только Штоколов.

На предложение выпить Борис Тимофеевич ответил отказом, сказав, что нужно либо пить, либо петь.

Один из обкомовцев, который вел стол, дважды налил мне водки. Это привлекло внимание хозяина стола. Его удивило, что мне всегда наливали полный стакан. Я не останавливал человека — он сам переставал наливать, потому что иначе водка полилась бы через край.

Все закусывали, кроме меня. Я считал, что не стоит кушать правительственные деликатесы: еще привыкнешь, а где потом найдешь деньги на такую жизнь?

Мое поведение вызвало, естественно, вопрос у человека с рыжей шевелюрой, так называемого тамады: «Слушай, а кто ты такой?» На этот бестактный вопрос я не стал отвечать, что я профессор, заслуженный тренер Советского Союза, мастер спорта СССР. Выпивая водку такими дозами, не закусывая, я возможно, и не заслуживал иного, деликатного отношения к себе.

Присмотревшись к рыжему, я моментально его оценил: хоть икры у него много, но умственное развитие оставляет желать лучшего. В шутку ответил,

что являюсь массажистом и зарабатываю прилично: «Вот сейчас отмассажировал Штоколова за 50 рублей. Дальше еду в другую баню, чтобы там отмассажировать Кирилла Лаврова, тоже за 50 рублей. А вообще-то я только что освобожден из мест заключения, хотя сидел ни за что. Вот освободили досрочно, потому что руководил художественной самодеятельностью вначале в тюрьме, а потом в лагере».

Рыжий очень возмутился: как они могли оказаться в обществе бывшего заключенного! Борис Штоколов от смеха упал под стол, крича, что Николай, как обычно, всех разыгрывает. Однако к его словам никто не прислушался, а может быть, Штоколова просто не расслышали.

Рыжий принес 100 рублей и велел, чтобы я убирался из бани, подкрепив свою грубость отборным матом. В ответ на это я подошел к своему пиджаку, достал 200 рублей и сказал фамильярно: «Рыжий, возьми деньги и сбегай за коньяком».

Таким образом, я поставил хама на место. Окружающие были поражены: бывший зек-массажист сидит с ними за одним столом, да еще и оскорбляет их товарища! Как выяснилось в дальнейшем, рыжий оказался заведующим общим отделом Ленинградского обкома КПСС.

Конечно, я не собирался останавливаться на середине розыгрыша и сказал: «Рыжий, я не знаю, кто ты такой по должности, но если ты чего-то стоишь, позвони генералу Арендаренко. Знаешь такого? Он начальник ГАИ города. И попроси, чтобы у меня отобрали водительское удостоверение за пьянку».

Рыжий тут же взял телефонную трубку и стал звонить Арендаренко, хотя была уже ночь. Далее он высокомерно спросил номер моей машины. Я ему ответил: 35 – 36. Он поговорил с генералом и повесил трубку.

В это время все дело испортил Штоколов. Он вмешался в мой розыгрыш и рассказал, кто я такой на самом деле.

Один из присутствующих оказался секретарем Ленинградского обкома партии. Он все рассудил здраво и сделал рыжему внушение, сказав, что у Николая Федоровича Бабанцева были все основания для шутки. К тому же поведение Геннадия Ивановича (так звали рыжего) оставляло желать лучшего.

Закончился отдых в бане тем, что все присутствующие (кроме секретаря обкома) дали мне свои визитки, предложили дружбу и поездки за форелью, на что я ответил отказом, объяснив это своей загруженностью значительным количеством уголовных дел, а также работой над докторской диссертацией.

В три часа наши посиделки в бане закончились. Я же повез трезвого Бориса Штоколова домой, а он продолжал смеяться, приговаривая: «Молодец, Николай Федорович! Опустил рыжего».

Любопытный случай произошел Красноярске при возвращении зимой в Ленинград. Вспоминается мраморная доска, установленная на вокзале, на которой изображена надпись Ленина: «Здесь я был дважды, когда ехал в ссылку и обратно из Шушенского».

** Шушенское, кстати, замечательное курортное место. Когда в тех краях проходили концерты Ольги Давыдовны, мне удалось пообщаться с местными сторожилами. Владимир Ильич почему-то запомнился им только как рыжий парень, бегаящий по поселку.*

Подошел пекинский поезд, в котором нас ожидали верхние полки. В традиционной перронной суете, мы кинулись затаскивать в вагон свою поклажу. Вещей оказалось много и вагон пришлось штурмовать несколько раз. При очередной загрузке я заметил, что наши чемоданы выносят двое молодых людей спортивного вида. На мои замечания они не реагировали, и стало ясно, что драка за «имущество» будет неизбежной. Мой попутчик, смелый армянин и известный дирижер Амиратов, почуяв большие неприятности, сразу прыгнул под вагон. За несколько минут «кулачного боя» мне удалось отстоять наши чемоданы и двое незадачливых «носильщиков» оказались лежащими на перроне, умоляя о пощаде.

Дождавшись «возвращения» из под вагона талантливого сына армянского народа, мы продолжили погрузку. Проводник, явно восхищенный произошедшим зрелищем, в знак благодарности поменял нам верхние полки на купе. В пути он поведал нам, что все проводники поезда вооружены топорами, т.к. места здесь суровые по причине нахождения в этих местах множества лагерей для заключенных.

Одна из историй чуть не стоила мне жизни. Наслушавшись рассказов о почти «бесплатных» подержанных автомобилях, я поехал за автомобильным счастьем в дальние страны. Мой выбор остановился на Берлине. Ожидания оправдались. Целые улицы были заполнены автомобилями. Как оказалось позднее не только автомобилями, но аферистами, которые поджидают свои жертвы.

Самым неприятным сюрпризом оказалось то, что продавцы с легкостью давали любые обещания и также легко забирали их обратно. В итоге пришлось самому заниматься всеми вопросами, в том числе и перегоном машин в порт, который находился в сотне километров от Берлина. Во время первой поездки на огромной скорости меня подрезала машина. Полагаю, что водитель Mercedes-Benz был возмущен тем, что я ехал тоже на высокой скорости по середине трассы без включенных фар и габаритов. Неудачное маневрирование закончилось тем, что его автомобиль, встав поперек дороги, перевернулся и укатился на крыше в кювет. Только Господь Бог спас меня от неминуемой смерти. Видимо, знал, что покупаю машину не с целью наживы. Во время второго перегона в мой багажник въехал бургер и, выскочив из машины,

кричал на всю улицу про русских свиней. Прибывшим полицейским я сказал, что у меня нет водительских документов. Имеется только визитка, которую я предъявил. Полицейский высказал, что с подобными заслугами можно ездить и без водительских прав. В конце всей истории, благодаря поддержке друзей, пришлось воспользоваться услугами Интерпола. Я сделал вывод, что в каждой нации имеются свои мошенники и в этом случае не обошлось без таковых, которые хотя и получили две цены за отправку на пароме «Анна Каренина» машин, но желали и в дальнейшем вымогать от меня деньги, пока не включились сотрудники Интерпола.

Однажды друг нашего дома, Светлана Сергеева, обратилась ко мне с просьбой посетить Сестрорецкий суд, где слушалось гражданское дело по ее выселению из квартиры в Репино.

Светлана обладала незаурядным юмором, природным остроумием и была любимицей в любой компании. Еще до начала судебного процесса она обратила внимание, что прокурор Сестрорецкого района вошел в зал суда в очень дорогой обуви. Ее необычный вопрос: "Откуда у прокурора такие роскошные ботиночки" крайне смутил обвинителя. Во время слушания дела он явно нервничал, и было видно, что он утратил дар красноречия. Судье он заявил, что не знает существа дела, т.к. документы готовил его помощник.

В своем выступлении Сергеева рассказала, что ее несколько лет шантажирует милиция, а теперь к вопросу ее выселения подключилась и прокуратура. В заключении она заявила, что у нее только один вопрос к прокурору: "откуда у него такие роскошные ботиночки"! Дело закончилось отказом в удовлетворении иска прокуратуры. Так "роскошные ботиночки" сыграли "злую шутку" с обвинителем.

Увы! Это не повлияло на карьеру прокурора. Вскоре он был переведен на должность первого заместителя прокурора г. Ленинграда И.И. Сыдорука и получил генеральское звание.

Все забавные случаи, которые имели место в моей жизни, не опишешь, хочу привести хотя бы некоторые из них.

Еду как-то раз я на «Волге» по Лиговскому проспекту от Московского вокзала в сторону Обводного канала на встречу с партизанами-лесгафтовцами по приглашению прославленного спортсмена, заслуженного мастера спорта Владимира Шапошникова. Что греха таить, был изрядно навеселе. Проглядел красный сигнал светофора. Разумеется, тут как тут гаишник. Возмущенным голосом кричит: «Кто Вы такой и почему нарушаете правила дорожного движения?» А я отвечаю: «Вы что, меня не узнаете? Я же Рихард Зорге!» *Зорге я представился по простой причине. Именно в этот период времени по радио*

шел цикл передач о легендарном советском разведчике. Майор присмотрелся, отдал честь и сказал: «Где-то я читал о Вас. Ну, проезжайте!» А говорят, что милиция ничего не читает. Не только читает, но и знает в лицо своих героев...

Помню, меня пригласили на юбилей Василия Никаноровича Холмина, художественного руководителя Малого оперного театра (в прошлом директора театра оперы и балета имени С. М. Кирова). Собрался весь артистический бомонд, был даже Николай Константинович Печковский. Но народ ничего не пил, так как кому-то нужно было играть, кому-то петь. Я же налегал на спиртное, так как был абсолютно свободен. Закончилось празднование, и люди стали расходиться. Я сел в машину и поехал домой.

У Черной речки меня останавливает майор и, убедившись, что я абсолютно пьян, направляет на экспертизу. Во время освидетельствования медицинская сестра возмутилась, что я отказываюсь присесть, ходить по одной линии и дышать в пробирку. Меня передали врачу, старому еврею, который принял меня за своего. «Вы что, еврей?» — спросил он. Я кивнул. Тогда он мне сказал, чтобы я не волновался, так как все будет в порядке. На экспертизе заинтересованные лица не имеют права присутствовать, поэтому врач удалил майора. Я дунул в пробирку, и она почернела. «Ничего страшного, — сказал эскулап, — заключение я дам нормальное. Но вот что делать с «выхлопом»? Что Вы посоветуете?» — «А у меня больные гланды и я полощу горло спиртом!» — не задумываясь ответил я. Так майора оставили в дураках. А я забрал ключи, сел в машину и был таков.

Дома меня встречала Ольга Давыдовна, которая поинтересовалась: «Ну что, лишили тебя прав?» Я улыбнулся и ответил, что профессор провел математические расчеты, измерил мой вес и с учетом выпитого, выдал справку, что можно опрокинуть еще 200 граммов.

Расскажу одну историю, которая связана с одной из подруг Ольги Давыдовны.

Муж Тамары Степановны, будучи генералом внутренних войск, был репрессирован. Вскоре и ее отправили, как жену врага народа, в Красноярские края отбывать наказание. После освобождения она рискнула добраться из лагеря до Красноярска на байдарке по бурному Енисею, что характеризует ее мужественный характер.

Прошли годы, сердечные раны забылись, и она увлеклась Евгением Михайловичем, который работал ведущим инженером. Их роман омрачало только то, что ее возлюбленный был женат, а его супруга тяжело больна. Возможно, они надеялись, что дни супруги Евгения Михайловича сочтены и счастье будет полным.

По характеру Тамара Степановна была человеком сердобольным и окружила своего избранника вниманием и заботой. Купила новую машину и ревностно относилась к его здоровью. Обследование, терапия и другие медицинские процедуры стали обязательны в его жизни.

Во время похода в очередную поликлинику оказалось, что кабинеты находятся на верхних этажах. *Расчет руководства поликлиники был достаточно прост и логичен. Кто сможет добраться до верхних этажей самостоятельно, того и стоит лечить.* Но расчеты руководства были не для Тамары Степановны. Она потребовала от медицинского персонала донести возлюбленного до процедурного кабинета на носилках, уверив всех, что у него сердечная недостаточность. После недолгих препирательств, медицинские сестры пенсионного возраста с охами и ахами поволокли здорового мужика по крутым лестницам. К несчастью, у одной из них развязались кальсоны, а попытка их завязать закончилась падением всей процессии вниз по лестницам. На шум и крики прибежали лечащие врачи и оказали медицинскую помощь всем пострадавшим. Не понадобилась она только Евгению Михайловичу. С ним случился инфаркт, после которого он вскоре и скончался.

Все герои этой истории еще долго жили и здравствовали, даже старенькие медсестры, которых я несколько раз встречал в коридорах поликлиники.

Много лет назад мы отдыхали с Ольгой Давыдовной в Массандре. Нам сдавали комнату очень милые хозяева. Однажды они попросили нас отвезти их в Севастополь. Где-то в дороге моя машина сломалась, так как я потерял крышку от бензобака и в него попало много песка из-под колес. Песок попал и в карбюратор, и автомобиль остановился. Пошел сильный дождь. Вдруг смотрим — к нам направляется сотрудник ГАИ и говорит:

— Ваши права, граждане.

— Какие права? Вы что, не узнаете, кто сидит в машине?

— А кто передо мной сидит?

— Это же жена министра МВД Щелокова, — сказал я, указывая на Ольгу Давыдовну.

Капитан чуть не обмочился. Я же похлопал его по плечу и посоветовал взять ключ на 14, открыть капот и вытягивать песок до появления бензина. Капитан, видно, очень хотел повышения по службе и блестяще выполнил ремонт нашего автомобиля. Более того, он вызвался нас сопровождать. В пути, если машина останавливалась, капитан выскакивал и продувал карбюратор. Приехав в Севастополь, мы пообедали в шикарном ресторане. Капитан скромно сидел за отдельным столиком в ожидании дальнейших указаний. Затем мы поехали обратно в Массандру, заехав в Симферополь, чтобы довести домой капитана, жаждавшего скорее стать подполковником.

Однажды, возвратившись домой, я застал своих родных в крайне нервном состоянии. Дочь Татьяна опаздывала на лекции, а наша няня, Анна Федоровна, подозрительно долго задерживалась по своим делам. Я высказал предположение, что она явно “заглянула на огонек” к местному кочегару, который проживал недалеко от нас. Возмущению моих родных не было предела. Все соседи знали кочегара, как большого любителя горячительных напитков.

Для проверки своей версии я поехал в 43 отделение милиции, где рассказал, что из квартиры кочегара раздаются подозрительные голоса. Начальник отделения, явно скучавший от отсутствия горячих ”детективных” дел, проявил необычайный интерес и тут же предложил оперативный план действий. Главная роль в операции была возложена на одну из собак отделения милиции.

Задумано – сделано.

Сотрудники милиции с большим трудом протолкнули любимого пса в оконную форточку квартиры кочегара. Буквально через несколько минут из квартиры выскочили две обнаженные фигуры, которые, к всеобщему счастью, не сбили мимо проходящий троллейбус. В одной из пробежавших фигур я узнал нашу пропавшую няню.

Учитывая, что я много лет возглавлял Федерацию велосипедного спорта, меня часто приглашали на юбилейные мероприятия в Комитет по спорту нашего города. Одно из таких заседаний было посвящено 90-летию известного спортсмена и тренера - Панина Николая Александровича. Юбиляр сидел в Президиуме в бобровой шубе и папахе, а на трибуну поднимались известные тренеры, спортсмены, представители партии и Правительства города с хвалебными речами в честь торжественного события. Мы сидели в зале с мастером по фигурному катанию Петром Петровичем Орловым, который был одним из учеников Панина. Он обратился ко мне за советом на тему предстоящего его поздравительного выступления. Я ему посоветовал, что надо сказать правду. Если помогал в жизни, надо высказать благодарность, а если нет, скажи, что с нетерпением ожидаешь, когда он сдохнет.

Поднявшись на трибуну, Петр Петрович свою речь начал о величии великого тренера, а посмотрев на юбиляра, закончил фразой, что очень ждет, когда он сдохнет. Возмущению присутствующих в зале не было предела. Все предвещало начало больших неприятностей в жизни Петра Петровича. Так оно и случилось. В одной из наших встреч он с обидой спросил у меня о причинах такого "совета". На это я ответил, что неприятности это мелочи, а главное то, что сказано от Души!

Юбилейные даты я всегда отмечал в кругу множества своих друзей. Прожита большая жизнь. Это многолетняя работа в университете им. Жданова, куда я привозил свои рекорды по велосипедному спорту на дистанции 150 и 200 км, руководящая прокурорская деятельность в Красноярском и Целинных краях, а также в Кировском р-не Ленинграда. Четверть века отдано университету гражданской авиации и одновременно более 40 лет работы в адвокатуре. Все это способствовало увеличению числа друзей и близких знакомых.

В канун моего 80-летия в одной из программ российского телевидения был показан фильм о моей работе в Красноярском и Целинных краях. Судьба распорядилась так, что мне пришлось работать днем в качестве прокурора, а вечером заниматься любимой работой в качестве тренера по подготовке велосипедистов. Сюжет фильма отражал проведение тренировок на заснеженной трассе между Красноярском и Балахтой в сторону Красноярской ГЭС. Мне пришлось тренировать велосипедистов завода «Самоходных комбайнов», которые первыми в истории края стали мастерами спорта и победили в первенстве СССР по шоссейным гонкам. В шестидесятые годы этот сюжет демонстрировался в кинотеатрах перед сеансами фильмов в качестве «Новости дня».

Телевизионное поздравление всколыхнуло в памяти моих друзей приближение юбилея, и целый вечер в моей квартире не умолкал телефон.

В этот период у меня был очень напряженный график. Университет готовился к тестированию знаний студентов. Аттестация и аккредитация самый серьезный и важный этап в жизни любого университета. Именно в этот период решался вопрос дальнейшего существования юридического факультета, который был создан при активной поддержке Генеральной прокуратуры и Министерства юстиции в 1993 г. и был первым юридическим факультетом в технических вузах страны. Как показала история, это было обоснованное и правильное решение. Положительные отклики о работе наших выпускников поступают со всех структур государственной власти.

В этот напряженный период мое присутствие в университете требовалось ежедневное. Даже наступившая болезнь, которая ограничивала мои передвижения, сильные боли в суставах и сочувствующие взгляды со стороны студентов и преподавателей меня не останавливали. И вот долгожданные итоги. Наши усилия были вознаграждены. Победа студентов и преподавателей состоялась. По отдельным требованиям даже был достигнут 100% результат, а отдельные недочеты были связаны скорее с отсутствием четкой и ясной формулировкой задаваемых вопросов. По-моему мнению, их создателям тоже требуется повышение квалификации.

Небольшая передышка позволила мне приступить к подготовке своего юбилея. Мой выбор для встречи остановился на знаменитом Доме ученых на Неве. Для нас это открытое заведение, которое отличается непринужденной обстановкой и хорошей кухней.

Но, увы, судьба распорядилась по своему усмотрению, а рекомендации врачей прозвучали грозно и однозначно: «Срочно и без промедлений на операционный стол».

Вместо долгожданной встречи с друзьями меня ожидала сложнейшая операция. Надо отдать должное, Горздравотдел, начальник управления по организации медицинской помощи Игорь Пятерченко и врачи Второй больницы Санкт-Петербурга сделали все возможное для моего «Воскрешения». Дай Бог им здоровья и счастья. К сожалению, такие люди стали большой редкостью в нашей жизни.

Находясь в послеоперационной палате, мне раздался телефонный звонок от руководителя цыганского ансамбля, который был приглашен на мои праздничные мероприятия. Без долгих раздумий, не объясняя причин, я назвал время и новый адрес, по которому должно состояться выступление ансамбля в честь моего юбилея.

С трудом преодолев заслоны больничной охраны, артисты добрались до моей палаты. Цыганские песни и пляски в больничных стенах редкое событие для нашей жизни, но они незабываемы. Маленькое количество зрителей, в числе которых были мои самые близкие родственники не испортили торжества праздника. Даже полуживые пациенты, только что принесенные с операционного стола, в числе которых был и я, кричали: «Браво и Ура»! Так я встретил свой юбилей.

В трудные минуты жизни всегда начинаешь понимать цену поддержки близких и просто окружающих. Только после операции, я узнал, что студенты моего факультета сдавали для меня кровь, а один из них, Тамерлан Мамедов, даже потерял сознание при сдаче крови.

Не дождавшись сроков реабилитации, я приступил к руководству факультетом.

